

Об относительности в современной этнологии (о книге: A. Ventsel. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. B.: LIT Verlag, 2005).

Н.В. Плужников

В 1999 г., будучи на Таймыре в киноэкспедиции, я ненадолго пересекся в маленьком национальном поселке Усть-Авам со своим старым знакомым, французским коллегой, фольклористом Жан-Люком Ламбером, который, как и я прежде, работал с нганасанскими стариками. На мой вопрос, чем он сейчас с ними занимается, Жан-Люк ответил, что он собирает материал о нганасанских вождях. Он имел в виду не современных лидеров, а традиционный административный институт этнической культуры. На мою реплику о том, что у нганасан их не было, потому что для того, чтобы они появились, должны иметься веские причины, Жан-Люк ответил, что он следует школе Дюркгейма, и поэтому у нганасан обязательно должны были существовать вожди. Я не стал с ним спорить, а спросил, нашел ли он что-нибудь по этому вопросу. Жан-Люк сообщил, что у него уже есть некоторая информация, которая позволит заняться реконструкцией нганасанского общества. Теперь я думаю, что, вероятно, мы по-разному понимали смысл термина «вождь», и наши исследовательские интересы шли в разных направлениях. Направления были продиктованы ходом научной мысли, которая обычно вырабатывается традицией школы (а у нас с Жан-Люком они различны), и в этом нет ничего особенного, поскольку «точка зрения» – это всего лишь точка. И даже если она претендует на объективность, таких точек может быть сколь угодно много.

Когда мне в руки попала книга Аймара Венцеля, я был рад ознакомиться с ней, поскольку в этих местах – на северо-западе Якутии в пос. Юрюнг-Хая – оказался год спустя после Аймара. Меня интересовало местное оленеводство как способ жизнеобеспечения при кочевом образе жизни в современных условиях. У меня, к сожалению, было мало времени, чтобы изучить все вопросы, из-за которых я туда приехал. Я надеялся, что объемный труд моего эстонского коллеги сможет закрыть неизбежные лакуны, которые возникли из-за недостатка моих полевых возможностей, поскольку

Николай Владимирович Плужников — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

в оленеводческой бригаде я провел всего несколько дней, и кочевать, в отличие от Аймара, с ними не мог.

Как известно, любая научная публикация по этнологии имеет две стороны, а то и три: первая – полевой материал, вторая – его трактовка автором и третья – что пишут о подобных фактах уважаемые коллеги. У Венцеля к этим трем сторонам добавляется еще и четвертая – это мощный исторический и экономический фон (background) исследования, благодаря которому может быть представлена общая картина местной жизни.

Однако устройство человеческого глаза не позволяет воспринимать все, что встречает взгляд на своем пути. Из моря новых впечатлений сознание производит жесткий отбор тех деталей, которые должны быть описаны с помощью письменного слова. На этих деталях впоследствии строятся и теоретические рассуждения. Вероятно, я не смог найти в труде Венцеля чего-либо существенного для себя, поскольку занимаюсь арктической тематикой с конца 1980-х годов. Многие вещи, которые для Аймара выглядели открытиями – как для иностранца, так и для этнолога-североведа, мне уже представляются сами собой разумеющимися, что, впрочем, не умаляет их ценности. К примеру, одна из важных частей исследования посвящена понятиям «родина» и «хозяин». Эти понятия обнаруживаются в связи с находкой в тундре стационарной ловушки на песца, «пасти». Дальше у автора с бригадиром оленеводов происходит диалог следующего содержания: «Кто ее хозяин?» – «Такой-то». – «Могу ли я ставить ловушку, где хочу?» – «Только на своей земле. И никто не может ее трогать». – «Что будет, если кто-нибудь тронет ловушку?» – «Вора надо наказывать. Чужие ловушки нельзя трогать». Подобных диалогов, посвященных понятию «родина», еще три, но они менее информативны. Один из них вызывает сомнение. Он связан с необходимостью каждый раз получать разрешение на выкапывание угля для обогрева у негласного хозяина территории, где этот уголь находится. У меня был подобный случай у оленеводов, и там никто никого не спрашивал, поскольку обогреваться все равно нужно. В незамысловатой тундровой жизни это правило выглядит, на мой взгляд, надуманным. Вообще тема собственности на осваиваемую территорию чрезвычайно интересна. Я думаю, что эта тема могла бы раскрыться в правилах наследования песцовых ловушек и взаимоотношений вокруг них мужских кровных родственников одного поколения. К сожалению, мысль автора шла иным, более последовательным, но менее интересным для меня путем.

Другой областью в труде Венцеля, привлечшей мое внимание, было оленеводство и взаимоотношения людей вокруг домашнего оленя. Для этого региона существует ряд проблем, мнение о которых всегда интересно узнать от тех исследователей, кто там был, поскольку каждый пишет об этом по-своему в связи со своими научными интересами. К таким проблемам относится ситуация с домашним и диким оленем, которая определяет стратегию занятости местного населения и, соответственно, его самообеспечение в современных условиях. Мне, к примеру, объяснили, что здесь, в Анабарском улусе, кроме долган еще живут эвены. Они хорошие охотники, но пло-

хия оленьи пастухи, так что оленеводством здесь занимаются долганы. Однако большинство населения, приписанного к поселку Юрюнг-хая, представляют долганы, и непохоже, чтобы они все, включая поселковых жителей, были оленеводами. С другой стороны, К.Б. Клоков и С.А. Хрущев пишут, что на севере Якутии в последние годы стало выгоднее охотиться на дикого оленя, нежели пасти домашнего (*Клоков, Хрущев 2004: 141–142*). Правда, этот вывод не касается конкретно Анабарского улуса, но вполне может быть к нему отнесен.

Изменение соотношения между охотниками на дикого оленя и оленеводами может дать достаточно ясную картину современного местного самообеспечения, однако у меня не было времени заняться этой проблемой. Сидя в поселке, я пытался разобраться с МУПовским архивом по оленеводству, и до охотников дело не дошло. К сожалению, у Венцеля я не смог ничего найти по этому вопросу. Из моих архивных изысканий, а также общения с поселковой администрацией и оленеводами в стаде у меня возникло впечатление, что местное оленеводство, несмотря на патронаж республиканских властей, находится в состоянии глубокой депрессии, и это – результат республиканской политики.

Одним из местных остроумных способов приведения оленеводов-кочевников к оседлости было упразднение интерната и разворачивание поселкового жилищного строительства, благодаря которому чумработницы переселялись в поселок, когда их дети достигали школьного возраста, и, соответственно, кочевые семьи на большую часть года распались. У Аймара я нашел упоминание об этом в связи с летними школьными каникулами. Но непохоже, что он, будучи в поле восемь месяцев, кочевал с оленеводами только каникулярный сезон. Однако в стаде контраст образа жизни, связанный с концом и началом учебного года, для включенного наблюдателя, каким оказывался Венцель, должен был быть так или иначе ощутим, но ничего об этом мне не удалось найти в его книге. Вероятно, автора интересовали более общие проблемы местного существования. И в то же время он с присущей этнологу наблюдательностью пишет о женской работе, которую по тем или иным причинам вынуждены исполнять оленеводы-мужчины, и соответствующих насмешках их соседей над ними. Вообще же попытка автора представить мир местных оленеводов как полноценное замкнутое сообщество очень интересна, поскольку в этой части исследования действуют и разговаривают живые люди, чьи мотивации автору удастся выяснить или угадать. Такие материалы всегда интересно читать.

Как исследователь Венцель представляет иной – западноевропейский – менталитет, в котором люди существуют с иными представлениями о собственности, взаимопомощи и прочих основополагающих понятиях любого человеческого сообщества. Это – неизбежная отправная точка. Для отечественных этнологов книга Венцеля интересна также этим: даже если направления исследований наших зарубежных коллег подобны нашим, культурный менталитет отвечает за организацию материала со всеми вытекающими отсюда последствиями (аргументацией, выводами).

Лет восемь назад я первый раз в жизни попал в Среднюю Азию. У меня было

всего несколько дней, которые я потратил на автобусный проезд с севера (Ургенч) на юг (Ташкент). То море впечатлений, которое меня захлестнуло, я попытался сконцентрировать в небольшом очерке. Все выглядело необычным, и поэтому очерк был написан вдохновенно. Когда же я его закончил, возник естественный вопрос: Кому это будет интересно? Ответ подразумевался тоже естественный: Это будет интересно тем, кто там никогда не был.

Книга Венцеля написана с серьезной фундаментальностью. Автор проработал массу современных этнологических публикаций по российскому Северу, а также основную этнографическую литературу по этому региону. И в то же время в этой книге можно найти свежесть современных бытовых зарисовок и впечатлений, которые автор испытал в своей полевой работе. Для коллег из Института социальной антропологии им. Макса Планка в далеком германском городе Халле эта книга представляет собой реальную ценность и полноценный труд.

Литература

Клоков, Хрущев 2004 – *Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. СПб., 2004. С. 141–142.